

Г. Г. Хубулава

СЕРДЦЕ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена анализу образа сердца в истории культуры и сердца как метонимии чувствования и понимания. Сердце — центр микрокосма, образующий суть устремлений человека, один из базовых образов, если угодно, архетипов мировой культуры. Оно представляет собой аллегория центра, причины и истока любого существования: биологического, социального, механического.

Сердце как объект оперативного вмешательства — сравнительно молодая категория. Однако и в этом аспекте происходили открытия: аппарат искусственного кровообращения, трансплантация сердца, искусственное сердце.

В религиозно-мистической парадигме сердце — говорящий с миром и Богом сосуд духа, чье изменение связано с откровением или покаянием. Будучи воспринимаемой в качестве источника эмпатии, усердия и центра бытия, идея сердца находит свое отражение в физиологии, медицине, философии, психологии, педагогике, теологии, антропологии, социологии и трансгуманизме, везде оставаясь, по сути, предметом споров о природе и изначальной ценности как отдельного человека, так и человеческой природы в целом. Например, точные и подробные эскизы сердца в атласе работы Леонардо да Винчи составляют одну из основ антропоцентрической парадигмы, по сей день господствующей в светском сознании.

Кардиохирургия, и в частности пересадка сердца, стали новыми этапами в развитии отношения к сердцу как живому органу. Возможность вмешательства в его работу и даже полной замены его «неисправного механизма», с одной стороны, подкрепили утилитарный взгляд медицины на сердце, как на любой другой орган, а с другой — породили массу новых этических, технических и религиозных проблем, в частности связанных с донорством. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: сердце, бессознательное, разум, чувство, душа, кардиохирургия, история медицины, пересадка сердца.

Gr. G. Khubulava

THE HEART OF AS A ANTHROPOLOGICAL AND CULTURAL PHENOMENON

This article analyzes the image of the heart in the history and culture of the heart as a metonymy of feeling and understanding. The heart as the center of the microcosm, which forms the essence of human aspirations. The heart is one of the basic images, archetypes, even, of world culture. It is an allegory of the center, cause and source of all existence: biological, social, mechanical.

Heart surgery as an object is a relatively young category. However, in this aspect lies scientific discovery: heart transplantation, a heart-lung machine, an artificial heart.

The religious-mystical paradigm of the heart also involves that which talks to the spirit world and the Divine vessel whose change is connected with revelation and repentance. Being perceived as a source of empathy, diligence and the center of life, the idea of the heart as reflected in physiology, medicine, philosophy, psychology, pedagogy, theology, anthropology, sociology and transhumanism everywhere remain, in fact, a matter of dispute on the nature and original values of the individual and of human nature in general. For example, accurate and detailed sketches of the heart in the atlas of the work of Leonardo da Vinci, constitute one of the pillars of the anthropocentric paradigm still dominant in the secular consciousness.

Хубулава Григорий Геннадьевич — кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; g.hubulawa@yandex.ru

Khubulava Grigory G. — PhD, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; g.hubulawa@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Cardiac surgery and heart transplants have become new stages in the development of the relations to the heart as a living body. The possibility of intervention in its work, and even complete replacement of its "faulty mechanism" on the one hand reinforce the utilitarian view of medicine on the heart, as in any other organ, and on the other, create a host of new ethical, technical and religious problems, in particular related to donation. Refs 16.

Keywords: heart, unconscious, mind, feeling, soul, heart surgery, history of medicine heart transplant.

Сердце в культуре

Сердце — не только один из основных органов человека и многих живых существ, но и многозначный и сложный религиозный и культурологический феномен. Это центр и суть не только живого существа, но и суть всякой проблемы, центр города, основной маховик механизма. В речи сердце имеет значение в связи с понятием схватывания сути проблемы, самой природы явления и выражения полной искренности: о сокровенном и подлинном можно говорить и судить дословно «со дна сердца» (from the bottom of one's heart), т. е. от всей души. Судьба слова «сердце» в европейских языках такова, что оно обречено выражать тот туго свернутый клубок смысла, к которому сводится центричность всякого мира, все наиболее затаенное, глубокое, нередко уязвимое или, напротив, непроницаемое и питающее остальную космос ядро бытия.

Образ сердца глубоко укоренен в культуре и тесно связан с образом цивилизации. Город, воспринимаемый как живой организм, также наделен «сердцем» — сакральным центром, которым является храм. «Город воспринимается в медицинских метафорах, как очищенное от нездоровых элементов место, которое функционирует как общественная машина со своим "сердцем" и "легкими", "артериями" и "нервами"» [1, с. 147].

«Сердцем города» может быть не только христианский храм — такими «сердцами» были дельфийский оракул, кашмирский храм Шивы и пирамида «крылатого змея» Кукулькана (Кетцалькоатля) в майянском городе Чичен-Ица.

Но каково само происхождение слова «сердце»? Английское heart обязано своим происхождением староанглийскому heorte, протогерманскому *khertan- и праиндоевропейскому *kerd-. Русские слова сердце, среда, середина, украинские сердце, чешское srdce, греческое kardia (ср.: кардиолог, кардиограмма), латинское cor (французское cœur, итальянское cuore), староирландское críde также ведут свою родословную от этого общего праиндоевропейского корня. Не удивительно, что и латинское слово cor — ядро, означающее основание, фундамент, краеугольный камень, — имеет тот же «сердечный» смысл [2, с. 341].

Сердечный трепет охватывает нас, когда нам открывается истина.

«Я долго подозреваю, подглядываю за живой природой, но чем чаще мир Божий оправдывает мои подозрения о нем, тем больше я наполняюсь трепетом, от которого болит сердце» [3, с. 211], — сознается Спиноза. Сердце чувствует истинность рациональных, теоретических подозрений. Подобно тому как приверженцы различных религиозных традиций (будь то ессеи в иудаизме, суфии в исламе, исихасты в православии, иезуиты в католичестве, шивавиты в индуизме или тибетские буддисты) предписывают молящемуся «поместить ум в сердце», так и прозревший теоретик вправе не только «поверить алгеброй гармонию» и подчинить смутные

чувства логике фактов и рассуждений, но, подобно молящемуся, отпустить разум на волю и соотнести всю кажущуюся невероятность открытия с голосом сердца, собственными чувствами. Только тогда, интуитивно ухватив суть, сердцевину проблемы, такой ученый в волнении схватится за сердце, которому посчастливилось стать *στέυαση ἀλήθεια* — ночлегом истины, как говорил Платон (Горгий). То самое сердце, на которое мы кладем руку, говоря от имени всего нашего «я», то самое, от которого отрываем нечто особенно близкое и дорогое. Если что-либо чужое, постороннее, другое становится внезапно близким для нас, мы говорим, что приняли это близко к сердцу, т. е. прочувствовали иную судьбу всем своим существом.

В разговоре о сердце мы не можем обойти стороной феномен милосердия. Милосердие — способность относиться к Другому как к себе, даже если Другой является врагом. Способность миловать сердцем является мощным эмпатическим актом, позволяющим настолько прочувствовать Другого, что его переживания становятся твоими. При этом милосердие, в отличие от любви и сострадания, является не чувством, но актом, действием, подразумевающим невозможность «пассивного милосердия».

Древнейшие религиозные учения в один голос утверждают божественное милосердие как указание человеку: «Милостив Бог Наш» (Исход 8: 12), «Шива благосклонный и милостивый ко всякой душе» (Шримад-Бхагаватам). Идея милосердия максимально выражена в трех евангельских стихах: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5: 7), «Люби ближнего твоего как самого себя» (Мф. 19: 18–20), «Любите врагов ваших...» (Мф. 5: 43–48). Следование этому принципу не ограничивается рамками христианской этики. Указание на этот принцип, встречающийся как в Ветхом Завете («Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19: 18)), так и в тексте Корана («Милостив будь, как Аллах милостив и милосерден» (Сур. 55 Ар-Рахман)), объединяет идеей милосердия все авраамические религии.

Рациональная светская позиция видит акт милосердия в заботе о слабых, больных, неимущих, обездоленных и пораженных в правах членах общества. Как ни странно, акт милосердия сам по себе может стать источником этической коллизии. Светский гуманизм нередко считает подобным актом сознательное неоказание помощи смертельно раненным с целью не умножать их страдания или безболезненную и быструю казнь приговоренного к смерти. Несмотря на спорный характер этих примеров, любовь, сострадание и милосердие по-прежнему остаются одними из важнейших качеств сердца.

Сердце — источник любви и наития. Всем сердцем любят и ненавидят. Сердце «знает», чувствует, понимает. Чувствующий человек — человек «сердечный». Но и слово «серчать» (сердиться) — от сердца. То есть страстный, рассерженный человек тоже «сердечен».

В столь очевидных сведениях о сердце таится неочевидная опасность неверного истолкования. Все дело в том, что любой прагматик может сказать нам, что любые наши «чувствования сердцем», как и другие переживаемые «в сердце» события и эмоции, не имеют к сердцу-органу никакого отношения. Такой прагматик будет прав. Новое время, уравнивавшее при помощи термина «сознание» душу и «нервную деятельность», создало, выражаясь словами Шекспира, «книгу мозга» и тем самым заменило непривычную бессмертную душу вполне рациональным Сверх-Я и Бессознательным. Тот же самый трюк произошел с чувствами. Став метонимией души,

сердце неосознанно узурпировало все ее «движения»: гнев, восторг, счастье, предчувствие, трепет... Можно сказать и так: означающее «сердце» может иметь разные означаемые: в одном случае за ним стоит анатомическое сердце, в другом — какие-то душевные качества или мозговые структуры, ответственные за эти качества. При этом об искусственности термина «бессознательное» говорят современные критики психоанализа: «Бессознательным принято называть все присущее сфере чувственного, для чего в клинической медицине нет другого названия» [4, р. 164.].

Название романа Уильяма Бойда «Any human heart» у нас перевели как «Нутро любого человека» или как «Сердце всякого человека», а можно перевести, например, «Сердцевина каждого из нас». Уильям Джеймс в конце своего эссе «Существует ли сознание?» пишет: «Мое сознание — это мое дыхание» [5, р. 491]. Что-то подобное можно сказать и в нашем случае: «Моя душа — это биение моего сердца».

Б. П. Вышеславцев напоминает нам, что «понятие “сердце” занимает центральное место в мистике, в религии и в поэзии всех народов. Одиссей размышлял и принимал решения “в милом сердце”. В Илиаде глупый человек называется человеком с “неумным сердцем”. Индусские мистики помещали дух человека, его истинное Я в сердце, а не в голове. И в Библии сердце встречается на каждом шагу. По-видимому, оно означает орган всех чувств вообще, и религиозного чувства в особенности. Трудность, однако, состоит в том, что сердцу приписывается не только чувство, но и самые разнообразные деятельности сознания. Так, прежде всего сердце мыслит. “Говорить в сердце” — значит на библейском языке думать (Ис. 10, 7. Пс. 140, 3. Пр. 6, 14, 18. 19, 21. Мф. 9, 4. 13, 15. Лк. 1, 51. Ио. 12, 40. Евр. 4, 12. Рим. 1, 21. Еф. 1, 18). Но далее, сердце есть орган воли; оно принимает решения (Деян. 5, 4. 7, 23. 11, 23. 1 Кор. 4, 5. 2 Кор. 7, 9. 8, 16. 1 Кор. 7, 37. Рим. 10, 1, 28. Апок. 17, 16. Лк. 24, 38. 1 Кор. 2, 9. Деян. 7, 39). Из него исходит любовь: сердцем или от сердца люди любят Бога и ближних. Говорится, что мы “имеем кого-либо в своем сердце” (Фил. 17, 2. Кор. 7, 3), или “у нас с кем-нибудь единое сердце” (Деян. 4, 32). Наконец, в сердце помещается такая интимная скрытая функция сознания, как совесть: совесть, по слову апостола, есть закон, написанный в сердцах. Сердцу приписываются также самые разнообразные чувства, проносящиеся в душе: оно “смущается”, “устрашается”, “печалится”, “радуется”, “веселится”, “сокрушается”, “мучается”, “скорбит”, “питается наслаждением”, “расслабляется”, “содрогается” (Ио. 14, 1, 27. 16, 6, 22. Деян. 2, 26. 14, 17. 21, 13. Рим. 9, 2. 2 Кор. 2, 4. Иа. 5, 5. Иов. 23, 15 ff). Как будто бы сердце есть сознание, вообще все то, что изучается психологией; и действительно, в Библии понятие “сердца” и понятие “души” иногда заменяют друг друга; точно так же понятие “сердца” и понятие “духа” [6].

Сердце как средоточие бытия хранит жизнь и символизируется солнцем. Сияющее солнце и пылающее сердце являются символами центров макрокосма и микрокосма, означая человека и Небеса, трансцендентное, потустороннее начало. Говоря о строении сердца как органа, мне хотелось бы сослаться на опыт Джеральда Бакберга [7].

Сердце состоит из двойной мышечной спирали, одна часть которой закручена по часовой, а другая — против часовой стрелки. Торент Гасп впервые описал такую схему устройства сердечной мышцы как «спирального желудочкового миокардиального пучка» (англ. helical ventricular myocardial band (HVMB)). Нормальная анатомическая конфигурация развернутого сердца демонстрируется на примере

веревки, уложенной в виде левого и правого сегментов базальной петли. Базальная петля охватывает косые сегменты (нисходящий и восходящий) апикальной петли и образует спиральную форму, которая лежит в основе сердечной функции.

«Анатомы традиционно препарировали сердце, но не понимали вечной проблемы: где сердце начинается и где оно заканчивается. Торрент Гасп разрешил эту загадку, показав точки начала и конца ленты миокардиальных волокон» [8, с.116].

Принцип двойной мышечной спирали, обеспечивающий естественный кровоток, не только делает работу сердца наиболее эргономичной, но и подтверждает славу сердца как одной из самых трудолюбивых и совершенных мышц.

К тому же спиральная структура сердца подтверждает, что оно создано по закону «золотого сечения» — математически рассчитанному принципу идеальной пропорции, описанному Платоном, Эвклидом, Леонардо, Фибоначчи, Паскалем. В золотое сечение идеально вписывается строение Солнечной системы, подсолнуха, розы, раковины моллюска. Это в очередной раз подтверждает мысль о единстве замысла творения и отраженности Вселенной в каждом, большом и малом творении. Если допустить, что человек по своей природе является повторением Солнечной системы, то, подобно Солнечной системе, человеческая система тоже имеет свой центр — сердце. Не этим ли обстоятельством объясняется особое отношение к сердцу в различных культурах?

В Египте сердце являлось мерилем людских поступков, и вес его, отягощаемый совершенным при жизни злом, определял посмертную участь человека. Сердце фараона считалось хранилищем божественного начала — *ка*. У ацтеков сердце — центр человека, религии и любви, объединяющий жизненный принцип. Принесение сердца в жертву символизировало высвобождение крови, т. е. жизни, посев жизни, чтобы она зародилась и расцвела. У кельтов доброе сердце символизирует благородство и сострадание, является антитезой дурному глазу. В эллинистической традиции сердце, со всеми его страстями, чувственностью, тревогами и реакциями, олицетворяет стихийное, дионисийское, (вакхическое), оргийное начало человеческой природы как противоположность рассудочному аполлонистическому полюсу нашего «я». Сердце в буддизме — суть природы Будды. Алмазное сердце — это чистота и несокрушимость; человек, которого ничто не может повредить, вывести из равновесия. В китайском буддизме сердце является одним из восьми драгоценных органов Будды. В индуизме сердце — божественный центр, место обитания Брахмы. Сердце символизируется лотосом. Глаз сердца — это третий глаз Шивы, трансцендентная мудрость, всезнающий дух. В сердце Шивы, согласно Ригведе, «совершается брак (единство) всех сердец». Сердце в иудаизме — храм Божий. Наиболее ярко образ сердца в Ветхом Завете раскрывается в истории «косноязычного» Исаяи, которому Бог вручил пророческий дар, когда посланник Божий — серафим коснулся раскаленным углем сердца и уст Исаяи. Так сердце человека стало сосудом Божьей воли, дав Исаяе право говорить от имени Всевышнего. Этот ветхозаветный сюжет стал основой пушкинского «Пророка»:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул [9]...

В авраамистической традиции Бог вовсе не превращает человеческое сердце в нечто новое. Скорее Он возвращает сердцу догреховную коммуникативную природу. Сердцем человек говорит с Богом, сердцем слышит Его.

У христиан сердце — любовь, понимание, смелость, радость и печаль. Плающее сердце означает религиозное рвение и приверженность вере. Христианин «сокрушает сердце» — забывает о собственном страдании ради любви к ближнему и Богу. Сердце, увенчанное шипами, — эмблема Игнатия Лойолы; сердце с крестом — святых Бернардина Сиенского, Катерины Сиенской, Терезы Авильской. Катерина Сиенская молилась о новом сердце и получила его в дар от Христа. Ее подражание Христу было столь горячим, что на ее теле появились стигматы — раны Спасителя.

Сердце — незримое вместилище воли. Евангелие отводит ему едва ли не главную роль. Здесь значимо не только то, что любить Бога следует «всем сердцем», а то, что грех и покаяние мы совершаем не просто на словах или на деле, но именно «в сердце своем».

Сердце способно не только чувствовать. Оно становится средоточием наших усилий в момент обдуманного и неумолимого стремления к цели, ради которой мы готовы начать все сначала, даже на руинах. Такая абсолютная поглощенность делом называется усердием. В отличие от страсти, поглощающей наши мысли, чувства и желания, усердие как «жар сердца» (Аквинат) готово отказаться от эмоционального, если помощником в достижении цели будет рассудок, или, напротив, отказаться от аргументации «здорового смысла», когда к цели ведет короткий путь страстного поступка. Сосредоточиться на чем-то также значит поместить это что-то в середину своего существа — в сердце. Кроме того, сердечный ритм нередко связывают с музыкальной фразой, ритмом и размером стиха. Искусство, таким образом, — удел растревоженного сердца. И не только потому, что «аритмия — источник творчества» [10, с. 79], но и потому, что

Мирозданье — лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной [11, т. 4, с. 37].

Аврелий Августин приписывал сердцу свойства храма подлинной веры любого из нас, той веры, что невозможно скрыть за внешней обрядовостью. «Верующему легче сокрушить материальные изображения богов, чем уничтожить идолов в своем сердце», — пишет он в своем толковании на четырнадцатый и пятнадцатый стихи восьмидесятого псалма, где Господь сокрушается об Израиле, а шире — о человечестве: «О, если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил Моими путями! ... Потому Я оставил их упорству сердца их, пусть ходят по своим помыслам».

В тот самый миг, когда мы поглощены, охвачены сущим, в нас тоже говорит и действует сердце: «Сердце — это не орган и не символ; “сердцем” св. Отцы называли всецелого человека. И собраться ум может в сердце, только если человек всецело отдал себя Бытию, если он захвачен им. Вспомните Апостола Павла, который был “восхищен” (буквально: “похищен”, “схвачен”!) до третьего неба и слышал неизреченные слова, которые невозможно человеку слышать», — говорит В. Библихин [12, с. 91].

Этой «схваченности», восхищенности сердца близко понятие влюбленности и клятвы. Влюбленность — всегда потрясение сердца, когда мы «впадаем в любовь»

(to fall in love) и охвачены ею, она хватает нас, но удержим ли, вместим ли мы ее? Принося клятву, мы совершаем *juro*, что значит отдавать себя на суд, ухватить, исполняться и вспомнить.

Сердце пророка Мухаммеда очистил от печати первородного греха архангел Джабраил (Гавриил). В суфизме считается, что когда предметом желания нафса (нашего эго) становится Бог, нафс успокаивается, нафс необходимо не уничтожить, а подчинить — сначала уму, а потом сердцу. Страсть превращается в любовь, а гнев — в стремление достичь цели. В этом и заключается, согласно учениям суфиев, самый главный секрет человеческой психики. Это борьба ума и страсти. Если победит страсть, то нафс окажется в ее власти, а если победит ум, то нафсу откроется сердце. Работа сердца — умная молитва, совершаемая направлением ума в сердце. Перед тем как начать это делать, дабы обеспечить именно умное содержание сердца, необходимо очищение плоти от земных страстей посредством поста и смирения. Поэтому отказ от плотских наслаждений, уединение, строгий пост и лишения не самоценны, а призваны к освобождению настоящей страсти — любви к Богу.

Сердце всегда наше. Наше «я». «Мы ничему не принадлежим так, как своему, в том смысле, что заняты своим делом и живем своим умом и знаем свое время. Свое указывает на владение в другом смысле, чем нотариально заверенная собственность. Мы с головой уходим в свое, поэтому не смогли бы дать о нем интервью и срываемся всегда на его частное понимание. Латинское выражение *suo jure* переводится “по своему праву” и слышится в значении правовой защиты личности, но первоначально значило “с полным правом”, основательно безотносительно к индивидуальному праву. *Suum esse*, буквально «быть своим», значит быть свободным. Русское понятие свободы производно от своего не в смысле собственности моей, а в смысле собственности меня. Собственно я — та исходная собственность, минуя которую всякая другая будет недоразумением» [13, с. 84].

Подробный анализ антропологического и культурологического статуса сердца проводит и Б. В. Марков [13].

Сердце в медицине

Представления о сердце в культуре и медицине испытывали взаимное влияние. Сердце как социальная и механистическая аллегория вряд ли состоялось бы без помощи Гарвея, описавшего большой и малый круги кровообращения.

Сакральный, неприкосновенный статус сердца влиял и на отношение к нему со стороны врачей. В 1894 г. врач-трусент, хирург и виолончелист Теодор Бильрот сказал ставшую сакраментальной фразу: «Хирург, который коснется скальпелем сердца, потеряет уважение своих коллег». При этом успешная и первая в мире операция на сердце была проведена через два года после этого высказывания, 9 сентября 1896 г., во Франкфурте-на-Майне хирургом Луисом Реном двадцатидвухлетнему пациенту Уильяму Джустусу. Хирург ушил рану сердца, полученную молодым человеком в драке. На счету доктора Рена с тех пор было сто двадцать четыре успешные операции на сердце. Стоит ли говорить, что прежде смертность от сердечно-сосудистых заболеваний и травм сердца и крупных сосудов, в наше время подвергающихся успешному хирургическому лечению, была стопроцентной?

Первая операция на открытом сердце и первая операция в условиях искусственного кровообращения, позволяющих спасти больных, страдающих тяжелыми патологиями, были проведены в 1954 и в 1957 гг. соответственно, открыв новую эру в лечении сердечно-сосудистых заболеваний.

Мировым пионером кардиотрансплантологии был южноафриканский хирург Кристиан Барнард, успешно выполнивший пересадку сердца 3 декабря 1967 г., продлив жизнь безнадежно больному пациенту на девятнадцать месяцев. В СССР первая пересадка сердца состоялась 4 ноября 1968 г. и была проведена военным хирургом А. А. Вишневым. А в 1987 г. опыт Барнарда успешно повторил академик В. И. Шумаков, став первым отечественным гражданским хирургом, пересадившим сердце. На счету академика было более ста успешных трансплантаций.

Кардиохирургия и пересадка сердца стали новыми этапами в развитии отношения к сердцу как живому органу. Возможность вмешательства в его работу и даже полной замены его «неисправного механизма», с одной стороны, подкрепили утилитарный взгляд медицины на сердце, как на любой другой орган, а с другой — породили массу новых этических, технических и религиозных проблем, в частности связанных с донорством.

Сама идея трансплантации сердца имеет множество религиозных аллюзий. Упоминание о замене сердца или возвращении его в грудь «пациента» можно встретить в легендах индейцев майя и уичоли, библейской книге пророка Исаяи, мусульманской Иджме (жизнеописании пророка Мухаммеда), житии Святой Катерины Сиенской.

Одной из последних технических разработок в кардиохирургии является так называемое искусственное сердце, идея которого была впервые предложена В. П. Демиховым. Этот аппарат, позволяющий реципиенту благополучно дождаться очереди на трансплантацию, представляет собой артериальный насос (иногда со встроенным оксигенатором). «Искусственное сердце», претерпевшее со времени своего внедрения в арсенал кардиохирургов в восьмидесятые годы множество усовершенствований, на данный момент имеет две основные конфигурации: инкор (имплантированный в грудную клетку пациента) и экскор (большой внешний аппарат). Конструкция «искусственного сердца», разработанная хирургом Майклом Дебейки, включала в себя внутренний аккумулятор и возможность дистанционного управления, позволявшие аппарату работать без внешней консоли. Однако результаты использования «искусственного сердца» такой конфигурации оказались отрицательными.

Широкому читателю и зрителю идея «искусственного сердца» стала известна благодаря роману врача-трусента, хирурга и писателя Джона Элефтериадиса «Сердце для сына» [15] и документальному фильму 2013 г. А. Тарасовой «Линар» [16].

Несмотря на то что феномен «искусственного сердца» близок принципам трансгуманизма, предполагающим вмешательство новейших высоких технологий в организм и природу человека, такое «сердце» служит не просто утилитарному сохранению и продлению жизни пациента, но и гуманистической по своей природе идее ценности человеческой жизни.

Будучи воспринимаемым в качестве источника эмпатии, усердия и центра бытия, идея сердца находит свое отражение в физиологии, медицине, философии, психологии, педагогике, теологии, антропологии, социологии и трансгуманизме,

езде оставаясь, по сути, предметом споров о природе и изначальной ценности как отдельного человека, так и человеческой природы в целом. Например, точные и подробные эскизы сердца в атласе работы Леонардо да Винчи составляют одну из основ антропоцентрической парадигмы, и по сей день господствующей в светском сознании.

Сердце является средоточием не только физического, но и метафизического бытия. О восприятии сердца представителями разных эпох и культур можно и нужно говорить отдельно. Суть сердца как микрокосма, соединяющего в себе сложные физические свойства, метонимию «центра мира» и религиозно-мистический характер «сосуда духа» может трактоваться предельно широко. Но, так или иначе, вопрос о сердце во многом остается вопросом о мире и о нас самих.

Литература

1. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб.: Алетейя, 1999. 304 с.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
3. Спиноза Б. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 2. 727 с.
4. Geoffroy T., Beldy E. Le syndrome de Lacan. La vie sans la psychanalyse. Paris, 2007. 455 p.
5. James W. Does Consciousness Exist? // Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods. 1904. N 1. P. 477–491.
6. Вишеславцев Б. П. Значение сердца в религии. URL: <http://proroza.narod.ru/visheslavcev-1.htm> (дата обращения: 25.04.15).
7. Buckberg Gerald D. Ventricular structure-function relation in health and disease: Pt. I: Normal heart // European Journal Cardio-Thoracic Surgery. 2015. Vol. 47, issue 4. P. 587–601. URL: <http://ejcts.oxford-journals.org/content/47/4/587.full.pdf+html> (accessed: 01.06.2016).
8. Buckberg Gerald D. Basic science review: The helix and the heart // Journal of Thoracic and Cardiovascular Surgery. 2002. Vol. 124, N 5. P. 863–883.
9. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1962. Т. 2. 6556 с.
10. Манн Т. Доктор Фаустус / пер. с нем. Н. Ман и С. Апта. М.: АСТ; Астрель, 2012, 570 с.
11. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово, 2004. Т. 4. 760 с.
12. Биbihин В. У порога // Новая юность. 1996. № 19–20. С. 155–167.
13. Биbihин В. Свое, собственное // Эксперт. 2003. № 22 (376). URL: http://expert.ru/expert/2003/22/22ex-bibihin_32698/ (дата обращения: 25.04.15).
14. Марков Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. 229 с.
15. Элефтериадис Дж. А. Сердце для сына. СПб.: Ладога, 2013. 292 с.
16. Линар // Кинопоиск. URL: <http://www.kinopoisk.ru/film/637914/> (дата обращения: 25.04.15).

Для цитирования: Хубулава Г. Г. Сердце как антропологический и культурологический феномен // Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 110–119. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.412

References

1. Markov B. V. *Khram i rynek. Chelovek v prostranstve kul'tury* [Temple and the market. The man in the space of culture]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1999. 304 p. (In Russian)
2. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1986. 672 p. (In Russian)
3. Spinoza B. *Izbrannyye sochineniia: v 2 t.* [Selected Works: In 2 vols]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1957, vol. 2. 727 p. (In Russian)
4. Geoffroy T., Beldy E. *Le syndrome de Lacan. La vie sans la psychanalyse*. Paris, 2007. 455 p.

5. James W. Does Consciousness Exist? *Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods*, 1904, no. 1, pp. 477–491.
6. Vysheslavtsev B. P. *Znachenie serdtsa v religii [The value of the heart in religion]*. Available at: <http://proroza.narod.ru/visheslavcev-1.htm> (accessed: 25.04.15). (In Russian)
7. Buckberg Gerald D. Ventricular structure-function relation in health and disease: Pt. I: Normal heart. *European Journal Cardio-Thoracic Surgery*, 2015, vol. 47, issue 4, pp. 587–601. Available at: <http://ejcts.oxfordjournals.org/content/47/4/587.full.pdf+html> (accessed: 01.06.2016).
8. Buckberg Gerald D. Basic science review: The helix and the heart. *Journal of Thoracic and Cardiovascular Surgery*, 2002, vol. 124, no. 5, pp. 863–883.
9. Pushkin A. S. *Sobr. soch.: v 10 t. [Collected works: In 10 vols]*. Moscow, GIHL Publ., 1959–1962, vol. 2. 6556 p. (In Russian)
10. Mann T. *Doktor Faustus [Doctor Faustus]*. Transl. from Germany by H. Mann and S. Apt. Moscow, ACT, Astrel Publ., 2012, 570 p. (In Russian)
11. Pasternak B. L. *Poln. sobr. soch.: v 11 t. [Complete Works in 11 vols]*. Compilation and comments by E. B. Pasternak and E. V. Parsnip. Moscow, Slovo Publ., 2004, 760 p. (In Russian)
12. Bibikhin V. U poroga [перевод]. *Novaia iunost' [New Youth]*, 1996, no. 19–20, pp. 155–167. (In Russian)
13. Bibikhin V. Svoe, sobstvennoe [My own]. *Ekspert*, 2003, no. 22 (376). Available at: http://expert.ru/expert/2003/22/22ex-bibihin_32698/ (accessed: 25.04.15). (In Russian)
14. Markov B. V. *Razum i serdtse: istoriia i teoriia mentaliteta [The mind and the heart: the history and theory of mentality]*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1993, 229 p. (In Russian)
15. Elefteriadis Dzh. A. *Serditse dlia syna [Heart for my son]*. St. Petersburg, Ladoga Publ., 2013. 292 p. (In Russian)
16. Linar. *Kinopoisk*. Available at: <http://www.kinopoisk.ru/film/637914/> (accessed: 25.04.15). (In Russian)

For citation: Khubulava Gr. G. The heart of as a anthropological and cultural phenomenon. *Vestnik SPbSU. Series 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 2016, issue 4, pp. 110–119. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.412

Статья поступила в редакцию 4 июня 2016 г.;
принята в печать 16 июня 2016 г.